

Духовные нити. Я вижу их во всех живых существах, они буквально повсюду, и особенно духовных нитей много, когда я гуляю по лесу. Если бы моя личная шизофрения на самом деле мешала мне видеть, то я мог бы тупо ослепнуть. Ещё раз: нити были практически повсюду. В небе, под землёй, вокруг меня. Они, помани творец мои башенки из спичек (надеюсь, с ними там всё нормально, а то делать их не из обычных спичек было тяжеловато), были даже в моём физическом теле!

Раньше моя способность была далеко не совершенной — мне нужно было буквально подходить к телам и, нещадно паля контору (боюсь, тут иного выражения не подобрать, не в этом случае), «доставать» их из тел. В реальном бою это просто невозможно — я не могу, следя за собственной тушкой, втихаря подходить ещё к кому-то и воровать чужие нити. Особенно когда человек отпрыгивает от раздражителя в виде призрачной сущности в тот момент, когда та с ним соприкасается. Кроме шуток, напугать так можно, но больше по приколу, а изначально сильные противники и не позволят мне ничего сделать.

Не хочу обидеть секту Облачного Меча, но я никогда не видел себя «истинным» мечником. Мне, безусловно, нравится этим заниматься, только больше в виде хобби и для собственного всестороннего развития. Нет, право слово, до башенок из спичек — как до луны, но тоже занятно.

Наверное, именно поэтому всё это время моя техника местами и буксовала. Поэтому я не называл никак своё «искусство», поэтому и те вояки были недовольны моими движениями. У меня, безусловно, были огрехи, однако они, кажется, чувствовали, что это просто не моё. Впрочем, мужикам это не помешало исправить пару шероховатостей, кха-кха. Всё ещё просыпаюсь иногда от кошмаров...

Как я уже говорил, у меня и не было веры, что труповод сможет что-то сделать. Само по себе искусство поднимать неживых мне было, в принципе, не нужно, скорее уж, я нуждался во вдохновении — я хотел понять, как он это делал, и многие наработки старика действительно крайне полезны, как и в будущем могут сыграть большую роль для моего развития — как минимум мне посчастливилось узнать про существование целых энергетических мозгов, которые мы не чувствуем, которых мы не видим, но которые точно есть. В будущем, когда я начну разбираться в своём выборочном кретинизме (или не особо выборочном, м-да), это может быть очень полезно. И тем не менее — конкретно то, в чём я нуждался, труповод дать не мог.

Была ли у меня надежда на какое-то там писание?

Нет. Ничуть. Вообще. Извращённый старик, кажется, готов был поставить руку на то, что это даст что-то грандиозное, однако я придерживался мнения, что, ну, в лучшем случае смогу лучше понять искусство труповодов. Я не придавал значения словам старика про то, что на моей душе останется след, и вообще уже был готов к возвращению фактически едва ли не ни с чем. Уже радовался тому, что вернусь вообще живым, здоровым и без пары психологических травм.

И ведь действительно, что такого может дать простой текст?

Как можно уже понять, тяжело передать то, насколько же я ошибался.

В последний день, перед тем, как мы собирались уйти, старик, распространяя физически ощутимую решимость, повёл меня вглубь пещеры — туда, куда мы с сестрицей опасались пойти, и, видимо, не зря.

— Честно говоря, — эхом отдавался голос труповода, — я был уверен, что вы не сдержите своё любопытство и пойдёте вглубь пещеры. Вы — не надежда и будущее секты Чёрных Небес. Вы — его настоящее и вечное.

Голос старика, кажется, впервые был НАСТОЛЬКО холодным и спокойным — передо мной был уже не больной на голову псих с кучами противоречий, а усталый от жизни дед. Такой, суровый, переживший войну и повидавший такого, чего лучше не видеть никому.

— Уважаемый Мёртвый Волк, — вставила слово сестрица, — вы опять недооцениваете нашего главу. На этот раз его терпение и благоразумие.

Да, из рассказов старика удалось узнать, какое у него прозвище. В демонической среде, по крайней мере. Сестрице он был неизвестен, что намекает на то, что дедок во время войны особо не прославился, возможно, где-то жалко сгинув.

...может ли быть, что он, поняв, во что превратился прошлый «я», тупо самоубился? Да ну, бред какой-то.

Пожалуйста.

Дед, услышав шпильку от сестрицы, не обиделся. Он просто начал, кажется, до крови жевать губы. Сестрица, оправдывая свой титул маленькой лисицы (теневая — это только на работе), просекла мышление старика как бы не лучше меня самого. Она обращалась к старику крайне редко, однако каждый раз — тема так или иначе касалась меня. И, о чудо, везде, где тема касалась меня, старик слушал внимательно, старался анализировать буквально каждый звук, который говорила недомелочь. Не проявлял неуважения и держал себя в руках так, как не держал никогда.

— Моя судьба давно предрешена, — выдал что-то несуразное старик.

Ему явно не нравилась эта пещера. Или, точнее, место, куда мы идём.

В какой-то момент проход стал совсем узким и нам пришлось буквально протискиваться, чтобы пролезть дальше. Тут старик опять удивил, показав чудеса гибкости. Говорят, что коты — жидкость, но, как оказалось, существуют люди, которые могут этот титул оспорить. От мастера боевых искусств, вероятно, достигшего «истинной» трансцендентности, ожидать иного было бы глупо, но всё равно удивительно.

Параллельно этому в голове мелькнула предательская мысль, что здесь прямо какой-то писк моды на пещеры, гробницы и всякие такие иные страхи людей с клаустрофобией. Увы, эти мысли надолго в голове не задержались — если до прихода сюда я ещё чувствовал себя сравнительно спокойно, то чем ближе мы подходили — тем становилось прохладнее. Где-то же, казалось, на грани слышимости, начал раздаваться...

Шёпот. Настолько тихий, что он может затеряться среди собственных мыслей. Будто бы тот самый внутренний голос, который, к сожалению, мне обмануться не дал — голос... голоса стали громче.

И я мог поставить свою новую коллекцию самодельных башенок (идеальная моторика рук — залог успеха!), что этот голос, этот пронизывающий душу холод, слышал и чувствовал лишь я — сестрица не проявляла никакой реакции, пусть и была достаточно напряжена, что было, так-то, абсолютно нормальным состоянием, когда какой-то мутный дед ведёт тебя вглубь пещеры, как и старик молчал, не проявляя ровным счётом никакой реакции.

И всё же, в какой-то момент мы вышли к месту, откуда доносился звук.

Первая мысль — холодно. Не телу, нет, далеко не телу — душе. Моей призрачной формы будто касалось что-то невидимое и неосязаемое. Вернулся я в тело на одних рефлексках — подсознание буквально закричало, что лучше «голым» не разгуливать.

Сразу стало легче, но на краю сознания холод оставался и достаточно сильный — аналогия максимально мерзкая, однако у меня создалось впечатление, будто ветер мне лизнул спину. В духе местной некромантии, мать вашу. Из-за того же, что мне пришлось вернуться в тело, на меня в полной мере накатили эмоции, среди которых, естественно, был и страх.

И нет, не только из-за холода.

А из-за того, что я, гонимый холодом, сначала каким-то чудом умудрился не увидеть нечто по-настоящему пугающее и противоестественное. И пусть я уже научился держать лицо достаточно, чтобы не выдать себя, полностью холодную мину воли мне не хватило сохранить — маска спокойствия треснула, что сразу увидели как сестрица, так и буквально всполошившийся труповод.

— Вы чувствуете... — расширились глаза старика. — Нет-нет, не просто чувствуете... Чёрное Небо...

Догадываюсь, как он понял, что я именно «вижу» — мой взгляд был направлен строго вперёд. Я буквально вцепился всем своим вниманием в...

Что-то.

Моё сознание работало странно: я достаточно быстро учился не из-за того, что был умным, а потому, что умудрялся улавливать какой-то ментальный флёр, что оставляют от своей деятельности люди. Когда мы говорим — мы что-то вкладываем в слова. В сущности же это просто набор звуков, который имеет смысл только для нас — причём строго для тех, кто этот язык понимает, кто учил его. Текст — тот же случай. Просто набор палок, закорючек, кругляшков и ещё просто кучи всего. Если не знать смысл, вложенный в мазню, она просто не имеет никакого смысла. Логично, да?..

Я же умудрялся частично обходить этап «закорючек» и сразу видел смысл. Оформленную мысль, которую разумное существо оставляет в своих словах или тексте. Пожалуй, с текстом всё намного сложнее, ибо практически весь «смысл» обычно уже оказывается давным-давно рассеян, тем не менее — бонус всё ещё был.

И, как показала практика, чем сильнее был «отправитель» мыслей — тем лучше сохранялся смысл, тем более полным и... будто бы осязаемым он был. До этого я не наткнулся на что-то масштабное, часто игнорируя встречные «ментальные бури», чего сейчас было сделать невозможно. Ну вот физически.

Если для старика с сестрицей стена, скорее всего, была просто забита высеченными строками какой-то бессмыслицы на заметно устаревшем языке, то для меня...

Гора трупов. Горы. Не только людей, демонических и праведных мастеров, не только животных, змей и тигров, но и насекомых, рыб, каких-то совсем уж мифических существ, по типу феникса...

Они все, словно искажённые собственной же смертью и последующим возвращением, кричали,

рычали, издавали какие-то просто непонятные для понимания звуки — я вроде бы и слышал, что они издавали определённой тональности... звуки, а вроде бы и ни черта не мог понять. Самым пугающим было то, что на одной из этих гор сидела бесформенная фигура. Уже практически рассыпавшаяся, будто бы и несуществующая, она что-то шептала.

И я готов был поспорить на то, что именно шёпот этой фигуры я услышал первым.

Стоило же мне попытаться прислушаться, как мне резко удалось понять, что страшный, истинно могущественный мастер шептал: собственный же стих. И я понимал его. Понимал целиком и полностью.

— Первый труповод достиг божественности? — охрипшим тоном спросил, окончательно выйдя из образа.

Скорее, меня из него выкинуло. У меня просто не оставалось сил вести себя... хоть как-то.

— Никто не знает, молодой глава, — обеспокоенно ответил старик. — Думаю, мы должны уже ид...

— Молодой глава сам решит, — холодно, неприлично холодно оборвала старика сестрица, будто сама что-то почувствовав.

Нет, она тоже что-то почувствовала — я в этом был уверен. Не так, как я, но больше, чем любой другой человек, не познавший смерть.

Труповод явно хотел сорваться, но, увидев что-то в глазах сестрицы, просто замолчал, сев прямо на землю в позу для медитации.

К счастью или сожалению, мыслями я был далеко.

Стих... Писание труповода...

Я слышал его. Слова потенциального божества будто бы отдавались эхом у меня в ушах. Я понятия не имел, как он умудрился простой текст наделить стольким. К делу приложил руку не человек — и близко. Существо, далеко превзошедшее это понятие. Мой внутренний источник начал внутри меня будто сходить с ума, пытаясь изменить свой спектр, что чёрное сердце не позволяло. Лишь неожиданная стабилизация буфера, словно успокаивающая буйную энергию, спасала меня от невыносимой боли.

— Нет ни жизни, ни смерти... — шептал голос безликой фигуры. — Страх — бессмысленен...

Я одновременно понимал и не понимал язык, на котором говорила фигура. Казалось, что это некое искажённое воспоминание, плод воображения безумно могущественного существа, какие-то его внутренние мысли и размышления.

— Вечный поток... Иллюзия и ложные оковы...

Фигура продолжала шептать, отражая у меня в сознании буквально каждый смысл, который она могла только вложить. В груди до боли сильно забилося сердце, ноги подкосило — уверен, я сейчас был бледнее мела.

Шёпот фигуры начал переливаться с агонией существ, что, кажется, так и не познали покоя.

Это не труповод. И даже не некромант. Этому существу было плевать на жизнь и смерть — он

не видел в этих явлениях отличия, считая единым целым. Раз можно было жизнь забрать — значит, и вернуть. Если жизнь можно было дать — значит, и забрать её. Просто два состояния.

И если для божества, познавшего это, подобное открытие стало настоящим и даром, и проклятием, то для его врагов — самой ужасной формой муки. По-настоящему ужасной, ужасающей. Первый труповод не давал своим поверженным врагам ни быть живыми, ни быть мёртвыми. Они не были цзянши — они были именно что выдернутыми из потока душами, которых заперли в ни мёртвых, ни живых телах.

Цзянши — это больше отпечатки душ либо какие-то совсем уж повреждённые фрагменты, как я понял. Первый труповод мыслил совсем иначе.

Вечная мука. Вечное страдание, что может остановить лишь одно существо, которому стало всё удивительно безразличным.

Я мог поддаться этой... словно зашифрованной в стихе технике. Мог впитать её полностью и, кажется, даже отказаться от чёрного сердца, окончательно и бесповоротно изменить его. Это эфемерное писание могло полностью меня изменить и не просто сделать другим человеком, но потенциально выбить из потока, о котором говорил первый труповод. Фактически это путь не просто к могуществу, нет: к истинному бессмертию, когда понятие жизни и смерти просто стирается.

Мне было неведомо, почему никто про него не знал. Ни читака, ни сестрица не имели никакого представления о том, что существовало это чудовище. Вероятно, те, кто смог его победить, не захотел, чтобы про него помнил хоть кто-то. Или первый труповод сам ушёл, не оставив о себе и слуха, лишь это писание, что породило труповодов.

К счастью, они не смогли понять настоящего смысла. Вероятно, никто, кроме кого-то вроде меня, кто буквально воспринимает ментальный смысл, не сможет понять это писание и выбраться из потока.

Однако я не хотел. Если я сейчас полностью впитаю в себя эти строки, если спектр моей энергии полностью изменится, то меня не ждёт ничего хорошего. Слишком рано. Вместе со столь опасной даже не идеей, а целой концепцией... не знаю, как для других, но для меня придёт Преисподняя. Я буду страдать намного больше любой из жертв первого труповода, ибо их страдания хотя бы теоретически имеют конец, что уже, скорее всего, настал, когда для меня...

Не будет существовать потока. Единственным для меня спасением будет не смерть, а полное уничтожение души. Старый извращенец и не представлял степень изменения моей души, когда предупреждал об изменениях.

Хотел ли я такого?

ПФФФ.

— П-пошёл нахер... — показал я фигуре средний палец, заговорив с ним на никому не понятном в этом мире языке. Какой же у меня страшный акцент, какой ужас. Плевать. — Мне пока и в потоке нормально, психопат поехавший. Ты ведь не был готов, будучи человеком, из него выходить и за это поплатился. А теперь плачешь тут. Ты был быстр, но твои идеи оказались быстрее, кха-ха-ХА-хАХа-ХА...

Меня неожиданно пробило на истеричный хохот. Я схватился за голову, понимая, что если

продолжу слушать этот ментальный отпечаток, моя энергия действительно может окончательно трансформироваться, чёрное сердце просто даст заднюю, подстроившись под...

Столь манящую идею. Такую логичную и простую. Такую глубокую и интересную.

Дав самому себе пощечину, чувствуя, что меня неожиданно обняла сестрица и начала что-то шептать, понял, что так дела не будет — я уже был слишком слаб, чтобы свалить отсюда, поэтому оставалось одно — пойти от обратного.

Плюя на собственное чувство самосохранения, вышел из тела и, ощущая, как меня покрыл буквально физически ощутимый промораживающий холод, не особо понимая, что творю, подлетел к пафосно шепчущей фигуре, после чего прописал с призрачной ноги в челюсть этому поэту, едва ли не мгновенно рассыпавшемуся от... будем считать, что удивления.

Казалось, всё на секунду застыло: оравшие, визжавшие и рычавшие ментальные отпечатки-жертвы первого труповода мигом заткнулись, после чего, как мне показались, дружно перевели на меня охреневшие взгляды. В следующий момент, так до конца и не поняв, что произошло, они рассеялись. Моя героическая призрачная форма в этот же миг буквально влетела в физическое тело, уже развалившееся пластом по земле.

Я уже ничего не соображал, но понимал, что сестрица что-то кричала и пыталась достучаться до меня, когда труповод начал буквально рвать на себе волосы и безумно смеяться, одновременно с этим умудряясь плакать.

...интересно, чего это они...

Как ни странно, меня вырубило. Проспал я порядка дня, на следующее утро проснувшись в обнимку с сестрицей. Голова была удивительно ясной, да и чувствовал я себя просто прекрасно.

Прислушавшись к чему-то, вытянул руку, создав совсем небольшое облачко чёрно-синей энергии. Но уже не чисто чёрно-синей, а словно потерявшей палитру: моя энергия стала будто более эфемерной, будто частично выйдя куда-то за пределы. Ради эксперимента вышел из тела, не сразу поняв один...

Как бы, нюанс.

На моей призрачной руке был тот же флёр энергии, что и на реальном теле.

Почесал свободной рукой призрачную голову, отмечая, что моё духовное тело, получив самую что ни на есть прямую подпитку от источника Ци, стало ещё более плотным. Тяжести на пальцах тоже не было — лишь едва заметная, практически неосязаемая. Боже ж ты мой, как приятно...

Пока я занимался экспериментами, проснулась сестрица, нечитаемым взглядом уставившись на мою морду. Глаза были открыты, так что она точно знала, что я не сплю, при этом не собираясь с меня, образно выражаясь, слазить. Молча вернулся в тело, повернув голову на недомелочь.

— Это домогательство, сестрица.

Девчонка прищурилась, неожиданно стукнув меня кулачком по лбу, после чего устало вздохнула.

— Я рада, что с тобой всё хорошо, орабони...

...я почти бабушку там до слёз не довёл часом?..

— Где труповод?

Ибо если он увидит то, что сделала сестрица, то может и окончательно поехать крышей.

Сестрица заняла сидячее положение, одним взглядом показав на другую часть пещеры, где, кроме бессознательного полумёртвого тела предателя собственного же отца, лежала...

Эм, рука?

— Он себе что, отрезал руку? — шёпотом спросил я.

— Вон Юхёну нужно было идти, оппа, но он не мог уйти, не выразив тебе своё... почтение и извинения.

— Больной на голову культ... — задумчиво выдал я.

Взгляд сестрицы был очень красноречивым.

Она молча встала, подошла к небольшому зеркальцу, взяла его и протянула мне. Удивлённо взял, заметив изменения практически сразу:

Кожа стала ещё бледнее, словно я прожил всю жизнь под землёй и солнца не видел, где-то в глубине бордовых, явно помутневших глаз, я мог разглядеть искорку какого-то внутреннего безумия. Это тяжело описать: как минимум потому, что дело опять было в том самом «ментальном флёре», который, казалось, проецировал я же и сам на себя.

Субъективно силы больше не стало — ей неоткуда взяться, однако скачок произошёл, пусть и не физического тела, как и не количества Ци, а призрачного тела, получившего прямую подпитку от чёрного сердца. Оно словно частично вышло за пределы тела, куда-то, куда нога человека если и ступит, то после смерти.

Отложив зеркало, ещё не до конца понимая, что хочу сделать, лишь следуя своим внутренним ощущениям, вытянул пальцы, одновременно с этим выйдя в пограничное состояние внетелесности. И моя призрачная форма, и моя физическая форма словно синхронизировались.

— Оппа? — сестрица, видя, что её брат опять сходит с ума, заметно забеспокоилась.

Продолжая, казалось бы, одновременно в двух состояниях глазеть на свои пальцы, на которых были намотаны духовные нити, встал с кровати, обратив свой взор на полуживое тело.

Я встал в стойку, словно собираясь начать бой. Единственное, что отличалось в привычной мне стойки — я не держал меч, лишь для случайного зрителя странно, наверное, как-то неестественно выгибая пальцы.

Окончательно оформив то, что хочу сделать, резко вытянул руки, словно потянувшись к чему-то. Вместе с этим из моего тела вышел поток по-настоящему эфемерной Ци, практически неощутимой, больше напоминающей небольшой поток воздуха, соприкоснувшийся с полумёртвым телом.

Духовные нити. Одной только энергией я их подцепил, вырвав из тела. Они послушно оказались возле меня, буквально мгновенно идеально намотавшись на пальцы.

Тело тут же проснулось и начало в ужасе оглядываться и что-то кричать, банально испугавшись.

Я же не остановился, следуя своему внутреннему вдохновению, потянув на себя все похищенные нити одновременно. Они натянулись буквально на миг, после чего, вместо того, чтобы порваться, потянули за собой что-то... эфемерное. Они могли порваться, но я им не позволил — достаточно было лишь дать своей Ци.

Перед глазами была чужая душа. Душа, у которой не было призрачной формы, однако которую я мог видеть. Тело орущей жертвы собственной жадности и алчности мгновенно перестало подавать признаки жизни.

Естественно, что-то с душой я делать не стал, тут же избавившись от духовных нитей, из-за чего душа прямо на глазах рассеялась... куда-то. Чёрное сердце в груди забилось от упавших возможностей быстро-быстро, настроение мигом взлетело вверх.

Это оно! Моя техника! С идеальным для меня потоком энергии, с подходящим мне стилем. Осталось только развиваться дальше, и когда я достигну «истинной», как говорил добрый дедушка труповод, трансцендентности, моя сила сможет получить новый скачок. И не представляю, чего могу в итоге достичь.

— К чему пафос... — пробормотал себе под нос. — Пусть будет просто техникой Духовных Нитей...

Сестрица аккуратно подошла ко мне, щурясь. Её взгляд так и говорил: пациент болен, нужна помощь.

Вся атмосфера мрачного торжества мигом куда-то улетучилась.

— Ты ведь специально, да? — вскинул бровь я.

Сестрица чуть-чуть обеспокоенно улыбнулась, заложив руки за спину.

— Ты выглядел со стороны, как истинный демонический мастер, оппа.

— Я он и есть, — пожал плечами, громко хмыкнув.

— Нет, — сестрица стала выглядеть неприлично серьёзной. — Ты — Небесный Демон, оппа. Не забывай, что ты ни праведный, ни демонический мастер, пожалуйста. Ты — это ты. Демонический мастер на полставки.

Ты смотри, запомнила.

Я устало вздохнул.

Таки зазнался...

— Пошли, похороним тело, — окинул я взглядом тело горе-паренька. — Кинем ему в могилу руку труповода. На память.

Сестрица закатила глаза, вместе с этим заметно расслабившись.

Пожалуй, потерять берега могу и я...

...кстати, а она получила что-то от того писания? И, можно ли сказать, что я... Кхм, сломал его?

Не хочу об этом думать.

Грохот. Хван Мун Су услышал лишь его отдалённое эхо, сначала даже и не обратив на него внимание, однако, когда понял...

Паренёк побледнел, в глазах появился туман, сердце словно остановилось.

— Молодой мастер? — чуть испуганно подал голос торговец, не совсем понимая, почему мальчишка перед ним вдруг резко стал выглядеть, как живой труп.

Он, будучи простым человеком, не услышал грохота.

Ничего не говоря, Хван Мун Су поднялся и на негнущихся ногах пошёл на выход. Откровенно перепугавшийся резкой перемене торговец, щурясь, пошёл за пареньком, ожидая чего угодно.

Мысли паренька подтвердились ещё на подходе: дверь, ведущая к коллекции его старшего брата, которую он собирал несколько ночей, была открыта.

— За что вы так со мной... — едва не заплакал Хван Мун Су, зайдя в комнату.

Там его уже ждала девочка со странной причёской, с открытым ртом держа один единственный домик в руке.

«Она запустила цепную реакцию», — промелькнула мысль в голове осознающего свою скорую участь Хван Мун Су.

Он говорил хёну, что он ставил свои домики с башенками слишком близко друг к другу. Без клейкого вещества это было крайне опасно, но его хён не слушал. И теперь, когда девочка задела по неосторожности буквально один домик, они попадали практически все и сразу. Осталось лишь парочка на столе, что стояли отдельно.

Домики и башенки изначально не имели прочной конструкции: в конце концов, они были построены не из спичек, а из специально подготовленных вырезанных вручную палочек. Баланс... баланс был, и был хорошим, но далёким от идеала.

— Зовите всех слуг, — решительно сверкнули глаза паренька. — Это вопрос не жизни, а смерти.

— Что происходит? — не мог понять торговец.

Нет, то есть он всё прекрасно видел, однако не мог понять, что такого было в этом. Такую мелочь он легко мог возместить, а за дочь извиниться. Да она сама выглядела так, будто сейчас заплачет — и от стыда, и от разочарования, и от того, что уничтожила своими руками то, что ей так сильно понравилось.

— Это не просто домики и башенки, — тоном древнего воина, что идёт в последний бой,

осознавая свою скорую кончину, ответил паренёк. — Это домики и башенки хёна... Нам нужно их починить, иначе...

Дочь с отцом переглянулись.

Почему-то они не хотели знать, что будет «иначе».

Кровь в бутылочке едва заметно засветилась и забурлила. Мужчина удивлённо приподнял бровь, заострив свой взор на горах.

— Рельеф Тысячи Мёртвых Гор?..

Его фигура мигнула и исчезла.

Ночная цикада уже не мог дожждаться встречи с наследником.

...наверное, если бы его мысли услышал сам Ан Хаян, то послал бы кого-то нахрен, в ужасе закричав...

<http://tl.rulate.ru/book/74324/2335327>